

НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА ТЮТЧЕВА И К ТЮТЧЕВУ

Сообщения П. Кириллова, Е. Павловой и Д. Шаховского

I. ПИСЬМА Ф. И. ТЮТЧЕВА: П. В. АННЕНКОВУ, М. И. ЖИХАРЕВУ, А. С. МЕНШИКОВУ, НЕИЗВЕСТНОМУ, А. В. ПЛЕТНЕВОЙ, Я. П. ПОЛОНСКОМУ, С. С. УВАРОВУ и П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ.

II. ПИСЬМА к Ф. И. ТЮТЧЕВУ: И. С. АКСАКОВА, П. А. ВАЛУЕВА, П. М. ЛЕЙХТЕНБЕРГСКОГО, А. К. ТОЛСТОГО, И. С. ТУРГЕНЕВА и П. Я. ЧААДАЕВА.

Эпистолярное наследие Тютчева довольно велико, но в высшей степени неравномерно. На ряду с материалами безусловно интересными и значительными, оно содержит не мало писем и записочек, совершенно ничтожного содержания, вроде приглашений на обед, тех или иных проявлений светской любезности и т. д., любопытных только тем, что они определяют круг и характер знакомств Тютчева в разных слоях общества или позволяют уточнить те или иные даты его биографии.

Круг адресатов Тютчева весьма разнообразен. Среди них встречаются лица официальные, к которым Тютчев обращался в разных случаях по вопросам делового характера, служебные знакомые, светские приятели и приятельницы, представители науки и литературы, с которыми Тютчев быстро сблизился после своего окончательного возвращения в Россию, близкие и родные и т. д.

Настоящая публикация как раз и интересна тем, что она показывает все это многообразие тютчевских адресатов. Из помещаемых ниже писем № 1—2, 4 и 7—9 хранятся в архиве Института Русской Литературы Академии Наук СССР, № 3 — в архиве Государственного Исторического Музея, № 5 — в рукописном отделении Публичной Библиотеки им. Ленина, № 6 — в Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи. Все письма Тютчева прокомментированы Е. Павловой за исключением № 3 и 5—9, которые прокомментированы П. Кирилловым.

Если письма самого Тютчева стараниями его адресатов или друзей сбереглись в значительном количестве, нельзя, к сожалению, сказать того же о письмах различных его корреспондентов. Произошло это конечно не оттого, что они были многочисленны; такое предположение исключается обширностью круга знакомств Тютчева и большим количеством его собственных писем. Объясняется это скорее всего небрежностью Тютчева и его нелюбовью ко всякого рода исписанной бумаге, отслужившей свою службу. «Мне противен вид старой исписанной бумаги, особенно исписанной мною. Это так пахнет гнилью, что делается дурно» — говорил Тютчев. Легко допустить поэтому, что, прочтя обращенные к нему строки, Тютчев, если не тут же уничтожал их, то бросал их куда попало и они, естественно, затеривались, если только чья-нибудь заботливая рука не принимала своевременных мер к их сохранению; а так как последнее случилось повидимому не часто, то до нас дошло самое ничтожное количество обращенных к Тютчеву писем; тем большую ценность приобретает для нас каждое из таких писем.

Печатаемые ниже письма разных лиц к Тютчеву хранятся в Институте Русской Литературы Академии Наук, № 1—2 — в копиях рукою М. И. Жихарева, остальные — в оригиналах. № 1—2 прокомментированы Д. Шаховским, остальные — Е. Павловой.

I. ПИСЬМА Ф. И. ТЮТЧЕВА

1. К НЕИЗВЕСТНОМУ.

Милостивый Государь, вот в немногих словах теперешнее положение молодого Петерсона¹, о котором я имел честь говорить с вами сегодня утром. В продолжение нескольких месяцев этот молодой человек находится в состоянии очень сильного умственного возбуждения. С ухудшением за последнее время этого душевного состояния была произведена попытка поместить его в психиатрическую больницу, чтобы предохранить его от опасности, какую могло бы иметь для него пребывание на полной свободе. Посетившие его в этом учреждении врачи, после установления природы его болезни, признали, во всяком случае, что род безумия, которым он был поражен, не носил характера настолько серьезного, чтобы сделать изоляцию необходимой, и что отныне, далекая до того, чтобы быть для него благоприятной, она могла бы только ухудшить его состояние, усиливая до крайности раздражение больного. С другой стороны, следовало бы не раз еще подумать, прежде чем вернуть ему полную и всецелую свободу действий, в особенности в Петербурге, где было бы труднее, чем где-либо, иметь над ним достаточно бдительный надзор.

Тогда мы подумали, что самое лучшее, что можно было сделать в данном положении, это — препроводить его в Ригу, где он мог бы быть поручен попечению своего дяди, графа Ботмера², живущего в окрестностях этого города, так же как и заботам своего опекуна господина Гея. У них он нашел бы то, что было бы так трудно предоставить ему здесь, то-есть: достаточную свободу, соединенную с постоянным надзором, — двойное условие, полагаемое равно необходимым врачами того учреждения, в котором находится больной.

Вследствие этого я беру на себя, милостивый государь, смелость обратиться к испытанной благожелательности вашего превосходительства, чтобы просить вашего благосклонного ходатайства перед государем великим князем наследником о получении для молодого Петерсона такого отпуска, какого требует его печальное положение. Не смею ничего уточнять на этот счет, но не могу не выразить пожелания, чтобы отпуск, который я для него испрашиваю, предоставив ему достаточно продолжительное время, необходимое для его выздоровления, не был такого рода, чтобы мог повредить его служебному будущему. Более того: поскольку в том состоянии здоровья, в котором он находится, было бы невозможно позволить ему совершить совершенно одному путешествие из Петербурга в Ригу, было бы очень желательно, чтобы его младший брат³, как и он — морской офицер, получил бы разрешение сопровождать его до конца его путешествия.

Не скрою от вас, милостивый государь, что по мнению врачей состояние больного требует, чтобы отъезд его мог совершиться как можно скорее.

С доверием отдаю все это дело в руки вашего превосходительства, уверенный к тому же, — как и имею к тому все основания, — что положение, столь печальное, как то, о котором я вам только что рассказал, имеет законные права на столь великодушное и всегда такое отзывчивое участие его императорского высочества.

Примите, милостивый государь, искреннейшее уверение в моем высоком уважении и полной преданности.

Ф. Тютчев

Подлинник (рукою Э. Ф. Тютчевой; самому Тютчеву принадлежит только подпись) по-французски.

Адресовано очевидно одному из приближенных к будущему Александру II, в то время — наследнику, лиц, точно определить которое не беремся. Возможно, что это правитель канцелярии наследника генерал С. А. Юрьев, возможно — кто-нибудь из адъютантов наследника.

¹ Оттон (а по принятии православия — Георгий) Александрович Петерсон (1820—1883) — второй сын Э. Ф. Петерсон-Тютчевой, первой жены поэта. Получил образование в Петербургском Морском корпусе и по окончании его служил морским офицером. Позднее был субъинспектором в Петербургском университете. Его психическое заболевание, о котором идет речь в настоящем письме, не раз возвращалось к нему и впоследствии. Петерсон не был лишен некоторого художественного дарования: в Музее им. Тютчева в Муранове сохранилось несколько акварелей его работы. За любезное сообщение некоторых из этих сведений приносим благодарность Н. И. Тютчеву.

² Здесь упоминается повидимому гр. Феликс-Карл Ботмер (1804—1876), брат Э. Ф. Тютчевой.

³ У О. А. Петерсона было два младших брата — Альфред и Александр; о котором именно идет речь здесь — сказать затрудняемся.

2. Н. А. МЕНШИКОВУ¹.

Князь, участие, которое ваша светлость пожелали принять в прискорбном положении молодого Оттона Петерсона, оправдывает, я надеюсь, в ваших глазах смелость, которую я беру на себя, обращаясь к вам в интересах этого молодого человека.

Я получил только что известие, что, по прибытии его в Ригу, членами его семьи, находящимися там в сборе, было решено, чтобы больной был отвезен в Прагу с тем, чтобы поместить его там в психиатрическую лечебницу, и что на старшего брата его Карла Петерсона², служащего в настоящее время в нашем данцигском консульстве, будет возложена забота сопроводить его туда. Вследствие этого мне пишут из Риги, чтобы я умолял вашу светлость приказать дать необходимое разрешение на выезд из России молодого Петерсона, и я, князь, не скрою от вас, что было бы важно, чтобы это разрешение было дано ему без промедления, в виду того, что его брат Карл, который должен поехать за ним в Ригу и который является единственным из его семьи лицом, могущим взять на себя эту заботу, располагает только очень ограниченным, по причине своей службы, временем, чтобы заняться этой печальной миссией.

Я не посмел, князь, добиваться любезности особого приема, не имея чести быть лично известным вашей светлости, но то, что я знаю о добродетельном великодушии вашего характера, в соединении с печальным обстоятельством, объясняющим мое ходатайство перед вами, заставляет меня надеяться, что вы не найдете его нескромным и что вы с добрым расположением примете просьбу, которую я к вам обращаю.

Пребываю, князь, с глубоким уважением вашей светлости нижайший и покорнейший слуга

Ф. Тютчев

С.-Петербург, 16 апреля 1846.

Подлинник по-французски.

¹ Светлейший князь Александр Сергеевич Меншиков (1787—1869) — известный государственный деятель николаевского царствования. С 1828 г. состоял начальником Главного Морского Штаба; непосредственно от него таким образом зависела судьба ходатайства Тютчева за Петерсона, как морского офицера.

Надо думать, что после того, как первое письмо Тютчева было доложено наследнику, оно было направлено к Меншикову; как видно из второго письма Тютчев тогда не был лично знаком с последним, почему вероятно и обратился сначала к лицу ему более знакомому, с которым мог иметь предварительный личный разговор.

² Петерсон, Карл Александрович (1819—1875) — старший брат Оттона. Был русским вице-консулом в Данциге и не раз по поручению родственников отвозил за границу или привозил оттуда своих сестер и братьев; так еще до этого случая, К. А. Петерсон перевез в сентябре 1845 г. из Мюнхена в Петербург своих сестер по матери, тогда малолетних Анну, Дарью и Екатерину Тютчевых («Уrania, Тютчевский альманах. 1803—1928». Л., 1928, стр. 200—202). Оставив дипломатическую службу за границей, К. А. Петерсон был в 70-х годах директором канцелярии при министре иностранных дел, канцлере кн. А. М. Горчакове.

3. Гр. С. С. УВАРОВУ¹

С.-Петербург, 20 августа 1851.

Граф,

Мне редко доводилось братья за перо, чтобы выразить более искренние и более чистосердечные сожаления, чем те, кои я выражаю вам в настоящую минуту... Вы, вероятно, известились через графа Блудова³ об испытанном мною разочаровании, когда недель пять или шесть тому назад, в ту самую минуту, когда я располагал отправиться на поклон к гостеприимным богам Поречья³, я был внезапно вызван в Петербург по якобы служебным надобностям. Эта служба, надо сознаться, — создание воображения, зачастую весьма неразумное⁴. Однако я до сих пор сохранял надежду вернуться в Москву в течение этого месяца и, следовательно, иметь возможность съездить в Поречье, дабы лично принести вам, граф, мои поздравления и пожелания по случаю 25-го⁵. Но сейчас и эта надежда ускользает, и я вынужден отложить на неопределенный срок исполнение намерения, так давно меня пленявшего и занимавшего. Все вести, стороною дошедшие до меня за последнее время об этом приюте, который мне суждено лишь предвкушать, только усилили мои сожаления и укрепили меня во мнении, что на свете нет ничего более насмешливого и более неуслужливого к некоторым лицам, нежели судьба, вопреки ее мнимой безличности.

Возможно, граф, что даже это письмо, коему я препоручаю передать вам изъявление моих сожалений и пожеланий, не застанет вас в Поречьи. Быть может вы поддались нынешней притягательной силе Москвы. Действительно, то, что Москва приблизилась к Петербургу на 15 часов езды, является не только любопытным и интересным фактом, но может по справедливости считаться важным политическим событием⁶. Это достойное завершение и в то же время, необходимое исправление дела Петра Великого... Что до меня, я далеко не разделяю того блаженного доверия, которое питают в настоящие дни ко всем этим чисто материальным способам, чтобы добиться единства и осуществить согласие и единодушие в политических обществах. Все эти способы ничтожны там, где недостает принципа морального единства, и часто даже они действуют противно смыслу своего естественного назначения. Доказательством может служить то, что происходит сейчас на Западе. По мере того, как расстояния сокращаются, умы все более и более расходятся. И раз люди охвачены этим непримиримым духом раздора и борьбы — уничтожение пространства никоим образом не является услугой делу общего мира, ибо ставит их лицом к лицу друг с другом. Это — все равно, что захотеть успокоить раздражение посредством трения...

Мне сдается, что мы с полным смирением в праве думать, что не то ожидает нас в России, где нам всем предстоит бороться с одним действительным врагом — пространством. Следственно, мы можем льстить себя надеждой, что по милости этого принципа морального единства, в котором у нас, поистине, нет недостатка, все, что способствует нашему материальному сближению, послужит лишь к укреплению подлинного единства и мощи целого. Достаточно говорили о Русском Колоссе. В конце концов признают, я надеюсь, что это Великан, и Великан хорошо

сложенный...⁷ О скольких вопросах, граф, надеялся я услышать ваше мнение и рассуждения под гостеприимным кровом Поречья... Благодаря вам, я полагал вполне естественно им воспользоваться. Но мой расчет на любезного хозяина ни к чему не привел⁸. Судьба, менее благосклонная, нежели он, судила иначе... Позвольте мне надеяться, по крайней мере, что будущая зима вознаградит меня за разочарования этого лета. — Благоволите, граф, принять уверение в моем уважении и преданности.

Ф. Тютчев

Подлинник по-французски.

¹ Уваров, Сергей Семенович (1786—1855), с 1846 г. граф, с 1834 по 1849 г. министр народного просвещения, с 1818 г. до своей смерти президент Академии Наук. Создатель реакционной формулы «православие, самодержавие и народность». Уваров был уволен в отставку в связи с усилением правительственной реакции в 1848—1849 гг., так как был признан недостаточно способным для борьбы с «якобинством» в учебных заведениях. Яркую характеристику Уварова дал в своих «Записках» историк С. М. Соловьев: «...Уваров не имел в себе ничего истинно-аристократического; напротив, это был слуга, получивший порядочные манеры в доме порядочного барина (Александра I), но оставшийся в сердце слугою; он не щадил никаких средств, чтобы угодить барину (императору Николаю I); он внушил ему мысль, что он, Николай, творец какого-то нового образования, основанного на новых началах, и придумал эти начала, т. е. слова: православие, самодержавие, народность... Люди порядочные, к нему близкие, одолженные им и любившие его, с горем признавались, что не было никакой низости, которой бы он не был в состоянии сделать, что он кругом замаран нечистыми поступками. При разговоре с этим человеком, разговоре очень часто блестяще умно, поражали однако крайнее самолюбие и тщеславие...» («Записки С. М. Соловьева», 1907, стр. 58—59). Повидимому закреплённая за Уваровым репутация интересного собеседника, тонкого ценителя искусств и высоко образованного человека заставляла Тютчева сожалеть о том, что ему не удалось побывать в Поречье, где, со времени своей отставки, Уваров проводил летние месяцы. По крайней мере у нас нет решительно никаких указаний на то, чтобы Тютчев сочувственно относился к политической деятельности Уварова. Иронический отзыв о «господине Уварове и брати» встречается в одном из писем поэта к кн. И. С. Гагарину; письмо это, относящееся к 1836 г. и до сих пор известное лишь в отрывке, в ближайшее время будет опубликовано полностью. Позднее, в 1846 г., Тютчеву довелось беседовать об Уварове с П. А. Плетневым. «Долго разговаривали о нашем министерстве просвещения и университетах; побранили порядочно Уварова» — писал Плетнев Я. К. Гроту («Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым», т. II, СПб., 1896, стр. 677).

² Блаудов, гр. Дмитрий Николаевич (1785—1864), министр юстиции с 1837 по 1859 г., в 1855 г. заменивший Уварова на посту президента Академии Наук. Летом 1851 г. Блаудов вместе с М. П. Погодиным гостил у Уварова в его подмосковной (см. Н. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. II, СПб., 1897, стр. 499). Тютчев, как известно, находился в приятельских отношениях с Блаудовым.

³ Поречье — усадьба Уварова в Можайском уезде, Московской губернии. Там было сосредоточено уваровское собрание древностей. 28 марта 1850 г. Плетнев писал В. А. Жуковскому об Уварове: «...говоря, как будет он доволен своим летним пребыванием в подмосковной своей, прибавил: там нельзя не чувствовать, до какой степени приятно быть богатым» (там же, стр. 46). Научные познания Уварова различно оценивались современниками. Если Сперанский отзывался о нем, как о «первом ученом человеке в России» («Русский Архив» 1870, вып. 6, столб. 1149), то Евгений Болховитинов иронически замечал: «Уварову... не устоять на своем месте; да он его и не стоит, ибо ученый только шарлатан... Во всех государствах случается, что жалуют в чины и не по заслуге; а в одной России жалуют даже и в ум и в знания без ума и знаний» (там же, 1889, кн. II, стр. 368).

⁴ В подлиннике неперебиваемая игра слов: «Ce service il faut bien le dire, est un être de raison souvent assez peu raisonnable».

⁵ Тютчев повидимому ошибся или числом или месяцем: 15 августа — день рождения Уварова, 25 сентября — день его имени.

⁶ Тютчев намекает на завершение работ по прокладыванию б. Николаевской железной дороги. Официальное открытие железнодорожного сообщения между Петербургом и Москвою состоялось 1 ноября 1851 г.

⁷ Это место письма чрезвычайно характерно для общеполитических взглядов Тютчева в период, предшествовавший Крымской кампании.

⁸ В подлиннике неперебиваемая игра слов: «... il ne m'a servi du rien de compte avec mon aimable hôte».

4. П. К. ЩЕБАЛЬСКОМУ¹

[1861—1863 гг.?)

Страшно жалко, почтеннейший Петр Карлович, о моей неудаче в отношении к вам. Я жажду вас видеть.—Что же до дела, то, разумеется, вы можете располагать безусловно всем нашим добром. Не посетите ли вы нас, в Комитете², в среду. Это день нашего заседания—от двух до четырех часов. Но я надеюсь видаться с вами прежде и у вас.—Меня же вы всегда можете застать дома часу в 12-ом.

Вам искренно и совершенно преданный
Ф. Тютчев

На 4-й странице адрес: «Его Превосходительству П. К. Щебальскому».

¹ Петр Карлович Щебальский (1810—1886) — историк, сотрудник «Русского Вестника», «Русского Архива», «Зари» и др. С 1859 г. состоял чиновником особых поручений при министре народного просвещения, когда и написал свою «Историю цензуры в России» и занялся другими историческими разысканиями, печатавшимися в виде статей в разных журналах. Может быть о предоставлении Щебальскому по его просьбе и для этой его работы материалов по иностранной цензуре говорит Тютчев в своем письме. Вероятно Щебальский приезжал к Тютчеву просить об этом, но не застав его дома и оставив ему, можно думать, недошедшую до нас записку, вызвал это ответное письмо.

² В Комитете Цензуры Иностранной, председателем которого был Тютчев с 1858 по 1873 г. См. ниже письма П. А. Валуева к Тютчеву и комментарии к ним, а также сообщение М. Брискмана «К характеристике Тютчева-цензора».

5. М. И. ЖИХАРЕВУ¹

С-Петербург, 30 ноября 1863

Милостивый государь,

от души благодарю вас за драгоценный подарок. Не без умиления узнал я в присланной вами фотографии знакомую, памятную местность—этот скромный ветхий домик, о котором незабвенный жилец его любил повторять кем-то сказанное слово, что весь он только одним духом держится².

И этим то его духом запечатлены и долго держаться будут в памяти друзей все воспоминания, относящиеся к замечательной, благородной личности одного из лучших умов нашего времени³. Еще раз благодарю вас усердно.

С истинным уважением пребываю

вашим покорным слугою

Ф. Тютчев

На 4-й странице адрес: «Милостивому государю Петру Яковлевичу Чаадаеву от Тютчева».

Подлинник по-французски.

¹ Жихарев, Михаил Иванович (р. 1820—ум. после 1883), двоюродный племянник П. Я. Чаадаева, автор статьи о нем, напечатанной в «Вестнике Европы» (1871, кв. 7 и 9).

² Тютчев благодарит Жихарева за фотографический снимок с картины художника К. П. Бодри, изображающей кабинет П. Я. Чаадаева в его квартире на Новой Басманной. Фотография эта находится в Мурановском Музее. Подлинник хранится в Публичной Библиотеке СССР имени Ленина. В своей статье о Чаадаеве Жихарев пишет следующее о «скромном ветхом домике»: «С течением времени квартира, никогда не бывшая прочно отделанною, очень состарилась; пришедши почти в ветхость, сделалась для житья не совсем удобною, и про нее то пустил в свет Жуковский в то время довольно известную шутку, что она «давным-давно уже держится не на столбах, а одним только духом» («Вестник Европы» 1871, кн. 9, стр. 21).

³ Эти строки лишний раз свидетельствуют о той глубокой симпатии, которую питал Тютчев к столь противоположной ему личности Чаадаева. По свидетельству того же Жихарева «наиболее несогласные [с Чаадаевым] были с ним и наиболее дружными. Решительный его противник Ф. И. Тютчев» часто говаривал: «l'homme que je contredis le plus et aussi celui que j'aime le mieux»: человек, с которым я согласен менее, чем

с кем бы то ни было, и которого однако я люблю больше всех — П. К.). По словам Аксакова, Чаадаев в свою очередь «не мог не ценить ума и дарования Тютчева, не мог не любить его, не мог не признавать в Тютчеве человека вполне европейского», но он «глубоко огорчался и даже раздражался таким неприличным, непостижимым именно в Тютчеве заблуждением, aberrацией, руссоманией ума, просветившегося знанием и наукою у самого источника света, непосредственно от самой Европы» («Биография Ф. И. Тютчева», М., 1886, стр. 70). В 1847 г. Чаадаев прислал Тютчеву свой портрет, повидимому нарочно для него писанный, за который Тютчев благодарил его длинным и интересным письмом («Русский Архив» 1900, кн. III, стр. 411—412). К сожалению местонахождение этого портрета в настоящее время неизвестно. В бумагах Жихарева сохранилась еще одна записка Тютчева к Чаадаеву. Ввиду того, что записка эта не представляет самостоятельного интереса, приводим ее здесь:

«Я в отчаянии, дорогой друг, что покидаю Москву, не имея возможности проститься с вами и не выразив вам вновь своей благодарности за вашу любезную услужливость. Но так как я очень надеюсь вернуться сюда к концу августа месяца, то и рассчитываю иметь случай исправить это упущение. Пока что благоволите сохранить ко мне дружеское расположение и примите уверение в моей искренней преданности. Ф. Тютчев — Суббота, 14 июля [1850].»

6. Я. П. ПОЛОНСКОМУ¹

Суббота, 15 Августа [1864]²

Что с вами, друг мой Яков Петрович, что ваше здоровье?—О как мне больно, и за вас и за себя, что вы не здоровы.

— Мне с каждым днем хуже—надо ехать, бежать—и не могу решиться—воля убита, все убито—

Знаете ли, что мне пришло в голову в моем тупом отчаянии?—Что, если бы вы мне дали увезти себя за границу—хоть на несколько недель? Отпуск получить не трудно—а вы бы спасли меня—в буквальном смысле спасли?—Подумайте и отвечайте—Еще почти неделя до моего отъезда³.

Вам от души преданный
Ф. Тютчев

¹ Полонский, Яков Петрович (1820—1898), поэт. Кроме печатаемого здесь письма известно еще четыре письма Тютчева к нему: из них одно было опубликовано впервые в газете «Московский Понедельник» (1922, № 2, стр. 3) и три — в юбилейном тютчевском альманахе «Уралия» (Л., изд. «Прибой», 1928, стр. 79—81). О дружеских отношениях Тютчева и Полонского, помимо этих писем, свидетельствуют еще два стихотворения, которыми обменялись оба поэта в 1865 г. («Ночной костер зимой у перелеска...» Полонского и «Нет боле искр живых на голос твой приветный...» Тютчева). Памяти Тютчева Полонский посвятил стихотворение «Оттого ль, что в божьем мире...»

² Письмо это относится к 1864 г. и написано через десять дней после смерти Е. А. Денисьевой. Четырнадцатилетний роман Тютчева с нею не был тайной для Полонского — не потому, что он вообще получил огласку, а потому, что сам Тютчев в порыве откровенности рассказал ему об этом. 8 декабря 1864 г. он писал Полонскому: «С той минуты, как я прошлым летом встретил вас в Летнем саду и в первый раз высказался перед вами о том, что мне претило, и до сей минуты, если б год тому назад все мною пережитое и пережитое приснилось мне с некоторою живостью, то, мне кажется, я, не просыпаясь, тут же на месте и умер [бы] от испуга». О романе Тютчева с Денисьевой см. книжку Г. И. Чулкова «Последняя любовь Тютчева», изд. М. и С. Сабашниковых, 1928. Некоторые новые сведения об этом эпизоде биографии поэта сообщила Е. П. Казанович. См. «Звенья» № 1, М.-Л., изд. «Academia», 1932, стр. 86—91.

³ Полонский не дал Тютчеву «увезти себя за границу». Тютчев уехал один (точная дата его отъезда неизвестна) и пробыл за границей до весны следующего года. В Петербург он вернулся 26 марта 1865 г. Из Ниццы Тютчев послал только что цитированное письмо к Полонскому (полный текст в книжке Чулкова «Последняя любовь Тютчева», стр. 50—52).

7—9. П. В. АННЕНКОВУ¹

I

[30 ноября—1 декабря 1866²]

Из пяти билетов, переданных мною Графине Блудовой³, она благоволила мне уступить один, прося доставить вам по означенной цене прилагаемые 5 р[ублей] с[еребром]. Вы просили у меня стихов для вашего вечера, почтеннейший Павел Васильевич, посылаю вам несколько беглых незатейливых вирш, предоставляя их в совершенное ваше распоряжение⁴.

Душевно преданный

Ф. Тютчев

На 4-й странице адрес: «Его Превосходительству Павлу Васильевичу Анненкову от Ф. И. Тютчева».

II⁵

Вот как можно бы изменить последний стих:

Царю быть другом до конца
И до конца служить России⁶.

Впрочем еще раз повторяю вам, почтеннейший Павел Васильевич, все это предаю в ваше полное распоряжение.

Ф. Тютчев

III

Суббота [3 (?) декабря 1866]

Майков⁷ предлагал мне свою поправку. Но она, по моему, хуже моей. Что такое искренний сын Р[оссии]? Все это не по русски. Главное тут в слове служить, этом, по преимуществу, русском понятии — только кому служить?

Мне, право, смешно и совестно занимать вас такими пустяками.

Ф. Тютчев

На 4-й странице адрес: «Павлу Васильевичу Анненкову».

¹ Анненков, Павел Васильевич (1812—1887), критик, известный пушкинист.

² Записка эта поддается более или менее точной датировке. В автографе стихотворения «Великий день Карамзина», хранящемся в Государственном Литературном Музее, имеется дата рукой М. Ф. Бирилевой: 1 декабря 1866 г. В архиве Анненкова находится копия, помеченная 30 ноября 1866 г. В списках Мурановского архива встречается и та, и другая даты. Можно предположить, что к 30 ноября относится первоначальная редакция стихотворения, а к 1 декабря — вторая, отличающаяся от предыдущей наличием двух строф. Эти две строфы — четвертая и пятая строфы традиционного текста — написаны на отдельном листке рукою поэта и приложены к автографу. Анненкову они сообщены не были, вследствие чего отсутствуют и в его копии, и в тексте «Вестника Европы». Вероятнее всего, что печатаемая здесь записка Тютчева к Анненкову относится к 30 ноября или 1 декабря 1866 г., но во всяком случае послана до написания двух дополнительных строф.

³ Блудова, гр. А. Д. Дониная Дмитриевна (1813—1891), дочь гр. Д. Н. Блудова, камер-фрейлина, автор «Записок» (М., 1889). Была близка с семьей Тютчевых.

⁴ «Беглые незатейливые вирши» — стихотворение Тютчева «На юбилей Н. М. Карамзина» (Великий день Карамзина...), написанное для литературного вечера в память столетия со дня его рождения. Вечер этот состоялся 3 декабря 1866 г. в Обществе для пособия нуждающимся литераторам и ученым. Стихотворением Тютчева закончил свою вступительную речь М. М. Стасюлевич. Стихи были напечатаны впервые в декабрьской книжке «Вестника Европы» за 1866 г. (стр. I—XII).

⁵ Записка не поддается точной датировке. В случае, если условно принятая нами датировка третьей записки верна, то настоящая записка, как явно предшествующая ей, должна быть отнесена ко 2 или также 3 декабря 1866 г.

⁶ Третья и четвертая строки заключительной строфы стихотворения. В автографе строфа эта читается так:

Умевший, не сгибая выи
 Пред обаянием венца,
 Царю быть другом до конца
 И вернопопдаанным России...

По требованию цензуры последний стих был изменен Тютчевым и напечатан с этим изменением. Неизвестно, было ли стихотворение прочтено именно в такой редакции на караимском вечере 3 декабря или же изменение было внесено только в печатный текст. В первом случае следующая записка может с полной точностью датироваться 3 декабря, приходившимся в субботу. Принимаем эту дату предположительно.

⁷ Майков, Аполлон Николаевич (1821—1897), поэт, близкий знакомец Тютчева.

10. А. В. ПЛЕТНЕВОЙ¹.

Берлин, 7/19 июля 1870

Где вы, и если вы еще в Эмсе, что вы делаете среди этой ужасной сумятицы, которая начинается? Если бы я знал наверное, что вы в Эмсе, я не мог бы устоять против искушения отправиться разыскивать вас там. Но после вашего отъезда я не имел от вас, как и должен был этого ожидать, ни малейшего признака жизни... Но если бы случайно эти строки имели удачу дойти до вас, подайте мне знак жизни, адресовав мне его в Карлсбад, куда я еду завтра. — Еще несколько дней, и мы будем в полном катаклизме. Да хранит вас особенно господь².

Ф. Тютчев

Подлинник по-французски.

¹ Плетнева, Александра Васильевна (1826—1901), — рожд. кн. Щетинина, жена приятеля Пушкина и наследника его «Современника». Как известно, в пушкинском «Современнике» появился первый крупный цикл стихотворений Тютчева (т. III за 1836 г., стр. 5—22 — 16 стихотворений и т. IV, стр. 34—41 — 8 стихотворений) после отдельных пьес, разбросанных в разное время по разным альманахам; участие Плетнева в напечатании Пушкиным стихотворений Тютчева никем не засвидетельствовано, но после смерти Пушкина стихотворения Тютчева продолжали помещаться в «Современнике» за 1837 г. (т. VI, стр. 393—398), 1838 г. (т. IX, стр. 131, 138; т. X, стр. 184; т. XI, стр. 181; т. XII, стр. 91) и последующие годы, когда Плетнев сделался уже единоличным хозяином журнала; поэтому естественно думать, что переселившись в Россию, Тютчев мог пожелать познакомиться, и действительно познакомился с Плетневым, с которым к тому же имел общий круг знакомых. В переписке Плетнева с разными лицами (главным образом с Я. К. Гротом) остались следы этого знакомства и различных встреч его с Тютчевым; из них мы видим, что знакомство их при жизни Плетнева (ум. 29 декабря 1865 г.) не носило оттенка ни близости, ни теплоты, ни особой симпатии, какими отличалось отношение Тютчева ко многим другим представителям русского литературного мира (например к Полюскому, к Майкову, даже к В. И. Ламанскому и др.), и причину этого надо искать вероятно в несколько чиновничьем искательном характере, в довольно ограниченном, догматически-узком, нежизненно-рутинном и сухом уме Плетнева. Гораздо симпатичнее, как это по всему видно, самого Плетнева была Тютчеву его жена. После смерти мужа между нею и семьей Тютчева завязались более близкие отношения, следами которых является как известное стихотворение Тютчева, ей посвященное («Чему бы жизнь нас ни учла...») так и помещаемое здесь письмо, помеченное тем же 1870 годом, что и стихотворение.

² Любопытно сопоставить беглые отзывы Тютчева в этом письме о франко-прусской войне 1870 г. с отзывами его за это же время в письмах к жене («Старина и Новизна», кн. 22) и к Е. К. Богдановой (в нашей работе «Федор Иванович Тютчев в своих письмах к Е. К. Богдановой и С. П. Фролову», Л., 1926).

II. ПИСЬМА К Ф. И. ТЮТЧЕВУ

1—2. ПИСЬМА П. Я. ЧААДАЕВА

I

Басманная, 10 мая [1847]

Я в восхищении, дорогой*** [Тютчев]¹, что вы удовлетворены моим портретом². Он должен был быть литографирован в Москве, но так как